

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики

**Повесть М. Кузмина «Мечтатели» (1912)
и «Семейное счастье» Л. Толстого**

Бакалаврская работа
студентки отделения
славянской филологии
Виктории Фекляевой

Научный руководитель –
М. В. Боровикова, PhD

Тарту 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. История создания и публикации повести М. Кузмина «Мечтатели»	8
Глава 2. Автобиографические подтексты повести «Мечтатели»	13
Глава 3. История публикации и рецепции романа Толстого «Семейное счастье»	19
Глава 4. Повесть «Мечтатели» и семейная тема в произведениях Льва Толстого	24
Заключение	34
Список использованной литературы	36
Resümee	40

Введение

Михаил Кузмин — выдающийся писатель XX века, оказавший исключительно большое влияние на развитие русской литературы. Его сложно связать с каким-то определенным литературным течением, он является неотъемлемой и важной частью русской культуры модернизма в целом. Как отмечает Н.А. Богомолов, один из крупнейших исследователей творчества Кузмина:

Теснейшим образом Кузмин был связан со всей культурой начала века и двадцатых годов. Без обращения к его имени не обходятся исследователи творчества Блока, Брюсова, Вячеслава Иванова, Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, Хлебникова, Цветаевой, Пастернака, Маяковского...» [Богомолов 1995с: 9].

Тем не менее как его творчество, так и его биографию нельзя назвать полностью изученными. Еще известный литературный критик и драматург Е.А. Зноско-Боровский, читая доклад о жизни и творчестве Кузмина, выразил искреннее недоумение по поводу того, что столь мало известно о его герое, которого он сам безоговорочно считал одним из наиболее значительных писателей современной России (см.: [Богомолов, Малмстад: 11]). С тех пор о Кузмине было написано много работ, но по-прежнему о его жизни и творчестве существует множество легенд, которые не так легко развеять, поскольку часть из них создана им самим (так, год своего рождения Кузмин указывал по-разному, и исследователи до сих пор не уверены в том, какая дата является верной).

То же самое можно сказать и о его творчестве. Несмотря на то, что современным читателям Кузмин скорее известен как поэт, в действительности он был и поэтом, и композитором, и автором критической прозы (в 1923 г. издал отдельный сборник критики «Условности: Статьи об искусстве»). Но, кроме этого, он был и автором большого количества прозаических произведений. И если, как мы уже сказали, современные читатели больше помнят о Кузмине как о поэте, то для современников его проза в некоторые периоды затмевала его поэзию. Так, роман «Крылья» (1906), опубликованный в журнале «Весы», получил скандальное внимание читающей публики и вызвал шквал негодования со стороны критиков. Многие сочли произведение безнравственным и даже порнографическим

несмотря на то, что на протяжении всего произведения нет ни одного поцелуя, ни какого-либо проявления эротического чувства (см.: [Богомолов 1995с: 16]).

Следующие его прозаические произведения также привлекали немалое внимание (но уже такой скандальности не имели). Так, повесть «Картонный домик» (1907) воспринималась критиками как произведение новаторское, а повесть «Приключения Эме Лебефа» (1907) получила немало положительных комментариев.

Многие исследователи и критики указывали на то, что с одной стороны проза Кузмина была в какой-то мере уникальна. Так, например, Б. Эйхенбаум о прозе Кузмина пишет: «Как будто легкая, как будто не требующая от читателя ничего, кроме любви к чтению, проза его кажется, однако, странной, непривычной, загадочной. Французское изящество соединяется у него с какой-то византийской замысловатостью, «прекрасная ясность» — с витиеватыми узорами быта и психологии, «не думающее о цели» искусство — с неожиданными тенденциями» [Эйхенбаум 1987]. Об уникальности прозы Кузмина пишет и автор вступительной статьи в трехтомном собрании прозы Кузмина Е.А. Певак:

Арцыбашев, <в отличие от Кузмина — *В.Ф.*> впрочем, не забывает о традиционной для русской прозы функции повествователя — обобщая, подводить итоги, — хотя и не злоупотребляет своим правом. Кузмин напрочь от него отказывается и поручает героям, наблюдая жизнь, делать выводы и изредка делиться ими с собеседниками [Певак: 8].

С другой стороны, некоторые современники сразу сопоставляли прозу Кузмина с наследием великих классиков XIX века. С начала века имена двух крупнейших русских прозаиков Толстого и Достоевского начинают рассматриваться во взаимных со- и противопоставлениях¹, поэтому проблема отношения Михаила Кузмина к творчеству Толстого и Достоевского уже неоднократно ставилась не только современниками, но и исследователями. Однако чаще внимание

---

¹ Подробнее историю становления этой проблематики рассматривает О. Бурмакина в своей работе «М. Кузмин и Ф. Достоевский: творческие со- и противопоставления» (2003), показывая, как в трудах В. Соловьева и Г. Фридендера проводится сравнительный анализ особенностей творчества Л. Толстого и Ф. Достоевского. В работе также отмечается, что стремление распределить идеологические роли Достоевского, Ницше и Толстого в контексте истории философской мысли того периода (конец 19-начало 20 века) совсем не случайно, но связано с «пророческой сутью» творчества Достоевского и Ницше, и с репутацией «учителя» Толстого. Другими словами, проводилось сопоставление философских систем трех наиболее важных для русского культурного сознания мыслителей того времени и по-мнению О. Бурмакиной делалось это для того, чтобы выявить наиболее подходящего «вождя» новой эпохи [Бурмакина].

привлекала проблема отношения Кузмина к Достоевскому. Так, например, критик А.А. Измайлов в своей статье, опубликованной в 1913 году в журнале «Новое слово», прямо называл Кузмина продолжателем намеченных классиками тенденций и отмечал следование писателя традициям Достоевского (см.: [Измайлов]). Проблема отношения Кузмина к творчеству и личности Л. Толстого рассматривалась гораздо реже. Впервые она косвенно затрагивается в работе О. Бурмакиной «М. Кузмин и Ф. Достоевский: творческие со- и противопоставления» (2003). Опираясь на эту работу, мы можем заметить, что с ее точки зрения имя Л. Толстого никак не вписывается Кузминым в его картину истории русской литературы и не получает с его стороны никаких оценок, разве что в контексте противопоставления его стилистики стилистике Достоевского. Бурмакина также утверждает, что Кузмина совсем не интересовали произведения Толстого: «В целом же, равнодушие Кузмина к художественному миру Толстого было настолько велико, что даже ни разу не обсуждалось на страницах дневников» [Бурмакина: 36].

Другой точки зрения придерживается Л.Г. Панова, в своих работах неоднократно затрагивавшая проблему отношения Кузмина к творчеству Л. Толстого. Она убедительно показывает, что Кузмин не был равнодушен к художественному миру Толстого и несмотря на то, что в дневниках и критической прозе Кузмина действительно редко можно встретить упоминание Льва Толстого, в его художественной прозе обнаруживаются отклики на произведения знаменитого современника. В своей статье «Cherchez la femme: Лев Толстой в прозе Михаила Кузмина», полностью посвященной этой проблеме, Л.Г. Панова приводит сопоставительный анализ семи произведений Кузмина с отсылками к трем произведениям Толстого. Так, исследовательница сопоставляет «Отца Сергия» (1911) с двумя текстами Кузмина — «Секрет Отца Гервасия» (1915) и «Пример ближним» (1916) и указывает на целый ряд точек соприкосновения между ними. Подходя к разбору конкретных произведений Кузмина, Л.Г. Панова отмечает, что Михаил Кузмин, как и все поколение писателей-модернистов, внимательно читал Льва Толстого, потому что Толстой с его огромным жизненным опытом и неослабевающим интересом к человеку и миру был в состоянии ответить на те вопросы, которые волновали общество на рубеже веков, а также являлись центральными для мировосприятия модернистов. И Кузмин, по мнению

исследовательницы, «перевел Толстого в идеологические союзники» [Панова 2013].

О творческих связях Кузмина с Л.Толстым Л.Г. Панова говорит также в других своих работах [Панова 2014], [Панова 2021], тем не менее, тема «Кузмин и Толстой» отнюдь не является исчерпанной. Так, исследовательница лишь намечает связь с толстовской прозой интересующей нас повести Кузмина «Мечтатели», говоря о том, что сама сюжетная структура повести — «соревновательная подача двух любовных историй» — скорее всего, восходит к Л. Н. Толстому и его роману «Анна Каренина» [Панова 2014].

Повесть «Мечтатели», написанная в традиции семейного романа, относится к тем произведениям Кузмина, которые почти не привлекали внимания кузминоведов. Проблема семейных отношений волновала Кузмина не меньше, чем просто тема любви. Как известно, важной частью его личного мифа является гомосексуальность, которая в Российской империи была под запретом, то есть означала невозможность создать семью на законных основаниях и диктовала критический взгляд на традиционные семейные отношения. Это нашло отражение в ряде его художественных произведений, в том числе, и в «Мечтателях», о которых пойдет речь в нашей работе.

Работа состоит из введения, основной части, заключения и списка использованной литературы. Основная часть работы поделена на четыре главы.

В первой главе «История создания и публикации повести М. Кузмина “Мечтатели” (1912)» мы, опираясь на биографию Кузмина, составленную Н.А. Богомоловым, а также на его совместную работу с Дж. Малмстадом, попытаемся восстановить этапы написания повести, а также попытаемся понять, как личные обстоятельства в жизни Кузмина в 1912 г. могли повлиять на идею повести. Во второй главе «Автобиографические подтексты повести “Мечтатели”» мы рассмотрим систему прототипов повести. Часть из них уже была отмечена исследователями, часть является, насколько нам известно, впервые установленной нами. В третьей главе мы отдельно остановимся на истории публикации и рецепции романа Толстого «Семейное счастье» для того, чтобы пополнить наши знания о том, как этот роман Толстого воспринимался современниками Кузмина.

В четвертой главе «Повесть “Мечтатели” (1912) и семейная тема в произведениях Льва Толстого» мы попробуем сопоставить повесть Михаила Кузмина «Мечтатели» и роман Л.Н. Толстого «Семейное счастье» и выявить наиболее

очевидные точки соприкосновения между ними. Как мы отметили выше, значение Толстого для прозы Кузмина уже становилось объектом исследования, однако повесть «Мечтатели» с этих позиций исследователями не рассматривалась. Тем не менее нам кажется, что такой взгляд на повесть «Мечтатели» может оказаться продуктивным.

В заключении мы подведем итоги проделанной работы, и наметим перспективы дальнейшего исследования.

Глава 1. История создания и публикации повести М. Кузмина «Мечтатели»

Впервые упоминание о замысле повести «Мечтатели» мы находим в дневнике поэта от 8 декабря 1911 года: «Посылали телеграмму. Потом писали под диктовку, начали повесть и стихи» [Кузмин 2005: 319]. Авторы комментариев к нему Н.А. Богомолов и С.В. Шумихин предполагают, что имеющаяся здесь в виду повесть — скорее всего, «Мечтатели». Однако прямое упоминание о повести можно впервые встретить в дневнике Михаила Кузмина от 4 февраля 1912 года: «Семейно сидели за чаем. Потом читал “Мечтателей” <...> Писал плоховато» [Там же: 333]. Через пять дней, то есть 9 февраля, в своем дневнике Кузмин вновь упоминает о том, что пишет повесть «Мечтатели»: «Пили чай. Завтра пойдет в госпиталь. Спал плохо. Писал “Мечтателей”» [Там же: 334].

Работа над повестью у Кузмина продвигается довольно быстро, так как уже 21 февраля Кузмин читает свою повесть А.А. Ахматовой, и об этом он также пишет в своем дневнике: «Гумми уговорил меня остаться и послать телеграмму Кузнецову. Ходили вечером, рассуждая о стариках и “Цехе”. Читал “Мечтателей” Анне Андреевне» [Там же: 336]. После этого о произведении «Мечтатели» поэт в своем дневнике не упоминает довольно долго, и только спустя 4 месяца, а точнее 5 июня 1912 года он написал, что вновь читает «Мечтателей»: «Обедал у Кузнецова. Они приготовились, было вино, мороженое и ликер. Потом гуляли в Летнем. Дома читал “Мечтателей” и играл долго» [Там же: 356]. Уже через месяц, а точнее 2 июля Кузмин пишет в дневнике о том, что отдает «Мечтателей» на публикацию в журнал «Аполлон», однако повесть не принимает. Об этом пишет он так: «Был у Судейкиных. Там был Анреп. Очень мило. В “Аполлон” опоздал и Миллера встретил на Мойке уже. Ничего нет денег, Рара жалуется о статьях, “Мечтателей” не берет» [Там же: 362].

Однако повесть Кузмина «Мечтатели» все же была опубликована, только не в журнале «Аполлон», как ожидалось, а в популярном в то время еженедельном журнале «Нива», в ноябре 1912 года (1912. № 44–50) (см.: [Домогацкая, Певак: 617]). Важно отметить различия в журналах, которые фигурируют в этой истории: «Нива» — популярный иллюстрированный еженедельный журнал литературы, политики и современной жизни. Этот журнал для семейного чтения, один из

самых распространенных «тонких» журналов в дореволюционной России и его никак нельзя назвать журналом для эстетов (в отличие от «Аполлона»). Кузмин нам известен, скорее, как эстет: «... те, кто знает его известный портрет, писанный К. Сомовым, представляют его себе в виде денди и модерниста; а многие помнят другую карточку, на которой Кузмин изображен в армяке, с длинной бородой. Эстет, поклонник формы в искусстве и чуть ли не учения «искусства для искусства» — в представлении одних, для других он — приверженец и творец нравоучительной и тенденциозной литературы. Изящный стилизатор, жеманный маркиз в жизни и творчестве, он в то же время подлинный старообрядец, любитель деревенской, русской простоты» (Цит. по [Богомолов, Малмстад: 13-14]). Его считали сотрудником ведущих русских журналов, гордостью книгоиздательства «Скорпион» (см.: [Богомолов 1995с: 33]).

Нам хорошо известно, что первый журнал, в котором Кузмин впервые выступил с первыми заметными публикациями — стихотворной (цикл «Александрийские песни») и прозаической (повесть «Крылья») — журнал «Весы». Помимо этого журнала Кузмин не раз публиковался в журнале «Аполлон», в «Журнале Театра литературно-художественного общества» и т.д. То есть в большей своей части Кузмин публиковался в «толстых» журналах, поэтому вопрос почему Кузмин решил опубликовать свою повесть «Мечтатели» в журнале «Нива» до сих остается открытым.

Авторы биографии Михаила Кузмина Н.А. Богомолов и Джон Малмстад пишут о том, что год публикации повести «Мечтатели», то есть 1912 год был в жизни Кузмина критическим: «1912 год стал в жизни Кузмина критическим. Если когда-нибудь в его жизни было время, о котором он мог сказать блоковскими словами: “И я провел безумный год”, — то, скорее всего, это был именно 1912-й» [Богомолов, Малмстад: 279].

В первую очередь это замечание касается личной жизни писателя и его литературных отношений. В начале этого года Кузмин разорвал отношения с С.В. Миллером, который все время вымогал у Кузмина деньги, тем самым ставя его в трудное положение. Вскоре он разошелся с Гумилевым из-за того, что тот написал рецензию на «Осенние озера», в которой назвал стихи Кузмина «будуарной поэзией», что очень обидело Кузмина. Вскоре последовала ссора, а затем и разрыв Кузмина с Вячеславом Ивановым. Причиной этого столкновения

послужили как литературные, так и личные причины, в комплексе приведшие к серьезному кризису. А летом этого же года произошла трагедия с Сапуновым, что сильно повлияло на настроение и в целом на мироощущение Кузмина.

Сапунов был близким хорошим другом Кузмина, и трагедия потрясла писателя. Кроме того, жизнь самого Кузмина оказалась под угрозой, что еще усилило впечатление. В своем дневнике Кузмин детально излагает эту историю. Он вместе с Сапуновым должен был принять участие в организации программы карнавала, приуроченного к дню св. Петра и Павла (29 июля). 14 июня они в очередной раз отправились в Териоки и там решили поехать покататься на лодке. Лодка стала тонуть и Сапунову, который не умел плавать, спастись не удалось (см.: [Кузмин 2005: 358]). Тело Сапунова было найдено только две недели спустя, когда его вынесло приливом на берег около Кронштадта.

Кузмин часто вспоминал и говорил о Сапунове. Мы можем это проследить в дневнике Кузмина. В июле он писал: «Как хотелось бы видеть Зноску, Птифура, покойного Сапунова, Валечку!» [Там же: 466], в августе: «Почему-то очень жаль все это время, что Сапунов умер, и как художник, и как приятель. Ужасно жалко» [Там же: 555]. Кузмин был так сильно потрясен этим ужасным событием, что он постоянно прокручивал в своей голове события того дня, и увидел в этой гибели зловещий знак рока: «Ему неоднократно было предсказываемо, что он потонет, и он до такой степени верил этому, что даже остерегался переезжать через Неву на парохде, так что нужно удивляться действительно какому-то роковому минутному затмению, которое побудило его добровольно, по собственному почину, забыв все страхи, отправиться в ту морскую прогулку, так печально и непоправимо оправдавшую предсказания гадалок» [Сапунов: 51].

По сведениям биографов, личные отношения Кузмина в этот период тоже складывались трудно. На тот момент Кузмин все еще состоял в отношениях с Князевым, однако «Князев постоянно исчезал из Петербурга, улаживая свои армейские дела то в Пскове, то в Риге. Кузмин, несомненно, скучая по нему, тем не менее заводил вполне пылкие романы с другими молодыми людьми. Но каким-то образом сам стиль отношений Кузмина и Князева подразумевал, что их связывает нечто гораздо большее, чем только любовная страсть» [Богомолов, Малмстад: 291–292]. Так, в своем дневнике от 2 сентября Кузмин пишет: «Все хорошо. Всеволод был очень страстен и мил. Спать вместе ночь — это какое-то

странствие по разнообразной и чудной стране любви. Обворожительно. И он, как 1001 ночь, прекрасен. Писал рассказ. Стихи писали вместе» [Там же: 375].

Дневниковые записи осени 1912 г. представляют собой своего рода хронику развивающихся (и ухудшающих) отношений. Приведем несколько цитат.

3 сентября: «Встал в чудном расположении, но Всеволод был кисел, потом спорили немного. Он отчаивался в поэзии, во всем» [Там же: 375].

4 сентября: «Собирались в церковь, но забыли. Ссорились; наконец, когда я сказал, что можно при любви иметь другого, Всеволод объявил, что, между нами, все кончено. Ушел, я лежал и плакал» [Там же: 376].

Затем в сентябре 1912 во время поездки Кузмина в Ригу к Князеву у них произошла еще одна ссора, после которой Кузмин еще долгое время в своем дневнике вообще не упоминает Князева. Становится ясным, что они расстались. Причиной их разрыва являлось то, что Князев «лип к каждой юбке» [Богомолов, Малмстад: 295], а в итоге завел роман с Ольгой Глебовой-Судейкиной (после измены которой застрелился в 1913 г.). Как пишут исследователи:

Уже после смерти Князева его стихи были собраны родственниками и изданы отдельной книгой, причем было сделано почти все, чтобы максимально скрыть отношения, связывавшие его с Кузминым: посвящения были или вообще убраны, или сокращены до нескольких букв, во многих случаях любовные стихи, обращенные к мужчине, были отредактированы так, чтобы пол адресата стал или непонятен, или превратился в отчетливо женский. Но тем не менее по этим слабым, явно дилетантским стихам вполне четко выстраивается канва отношений с Кузминым и вмешавшейся в жизнь двух мужчин Коломбиной — Ольгой Глебовой-Судейкиной² [Там же: 292].

Одно из последних упоминаний о Князеве появится в дневнике Кузмина в самом конце 1912 года (и оно будет нелестным — Князев уже не вызывает уже никаких чувств, кроме отвращения; (см.: [Богомолов, Малмстад: 291]) и весть о самоубийстве Князева в 1913 г. оставит Кузмина равнодушным.

---

² Об этом любовном треугольнике написала также Ахматова в «Поэме без Героя» (1913), придав одному персонажу некоторые черты облика Кузмина, но где герой этот представлен в виде зловещей фигуры (см.: [Богомолов, Малмстад: 296-297]).

Резюмируя, можно сделать осторожное предположение, что ключевые события, происходящие с Кузминым в 1912 г., сказались на написании повести «Мечтатели», так как она была опубликована только в конце года и, вероятно, Кузмин продолжал ее дописывать в течение первого полугодия. В связи с нашей темой нам кажется особенно важным выделить сюжет с Князевым. В первой половине 1912 г. их роман претерпевает кризис, причина которого, в том числе, в отношениях каждого партнера на стороне. Как видно по записям в дневнике Кузмина, вопрос о том, может ли союз, основанный на обязательствах друг перед другом, быть открытым (то есть включать отношения с другими людьми), волнует Кузмина в это время и обсуждается в разговорах с Князевым («наконец <...> я сказал, что можно при любви иметь другого»). Нам кажется, что эти рассуждения, как и в целом весь опыт отношений с Князевым, могли отразиться в сюжете повести «Мечтатели» и в ее «тройственных союзах», при помощи которых пары пытаются преодолеть семейный кризис.

«Мечтатели» остались незамеченными критиками. Автор вступительной статьи к трехтомному собранию прозы Кузмина Е.А. Певак видит причину этого в неудачности самого произведения: «“Мечтателей” едва ли можно назвать самым удачным произведением писателя, чем, вероятно, и объясняется практически полное игнорирование повести критиками» [Певак: 20]. Единственная обнаруженная рецензия — отзыв безымянного критика, напечатанный в «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях» к «Ниве». Рецензию можно назвать скорее отрицательной. Критик «сетует на то, что автор вытеснил из повести “Мечтатели” “дух мелочей прелестных и воздушных” и стал чересчур “серьезен”. Следствие этой метаморфозы — “тягучие страницы “современной российской” повести “Мечтатели”, где с лица писателя сбежала привычная лукавая улыбка, и оно стало тускло и скучно» [Там же: 20]. Однако нельзя судить о мнении всех читателей по одной рецензии.

Глава 2. Автобиографические подтексты повести «Мечтатели»

Одной из важных особенностей прозы Кузмина была ее специфическая автобиографичность³. Н.А.Богомолов, писавший об этой особенности писательской манеры Кузмина, отмечал: «Читатель вовлекается в сложную игру повествовательных возможностей, обнажающих не менее сложную структуру самого текста, внешне кажущегося типичным образцом “прекрасной ясности”» [Богомолов 1955b: 150]. Кузмин как никто другой умел проецировать события действительной жизни в художественные произведения, при этом, с одной стороны, читатели могли узнавать некоторые ситуации и персонажей реальной действительности, однако, с другой стороны, сказать с полной уверенностью, какие события или участники описываемых событий послужили основой для написания того или иного произведения — невозможно (см. об этом: [Певак: 20-21]). Это было немаловажной причиной читательского интереса к произведениям Кузмина.

Рассматриваемая нами повесть написана в той же «автобиографической» манере. В комментариях Е. Домогацкой и Е. Певак высказано предположение о том, что в повести в какой-то мере отражена история Веры Шварсалон — падчерицы, а затем и жены Вячеслава Иванова (см.: [Домогацкая, Певак: 617]). Вера Шварсалон — дочь первой жены Вяч. Иванова Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал. После смерти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Вяч. Иванов женился на своей падчерице. Кузмин лично был знаком с Верой и имел особое внимание к ее судьбе, поскольку Вера признавалась ему в своих чувствах (о чем есть запись в дневнике Кузмина): «Днем, когда все ушли, Вера сказала мне, что она беременна от Вячеслава, что любит меня и без этого не могла бы жить с ним, что продолжается уже давно, и предложила мне фиктивно жениться на ней. Я был потрясен» [Кузмин 2005: 347]. Авторы угадывают намек на Веру в главной

---

³ Подробнее об этом пишет Богомолов в статье «Автобиографическое начало в раннем творчестве Кузмина», где он отмечает: «...рассмотрение автобиографических элементов в раннем творчестве Кузмина (конечно, далеко не полное) позволяет даже при первом взгляде на проблему констатировать постоянное перемещение акцентов в принципах построения сюжета, стиля и пр., а особенно образа автора, колеблющихся от полной идентификации с действительным автором (как в «Высоком искусстве») до безличности и растворенности в героях произведений» [Богомолов 1955b: 150].

героине произведения Зинаиде Львовне. Зинаида Львовна, будучи беременной, как и Вера, признавалась в своих чувствах Андрею Толстому, однако Андрей Толстой, как и сам Кузмин, не мог принять этих признаний.

Е. Домогацкая и Е. Певак указывают и на другие параллели: между парой «Зина и Петя Мельниковы» (молодая супружеская пара из «Мечтателей») и парой «А. Ахматова — Н. Гумилев» (см.: [Домогацкая, Певак: 617])⁴, а также на схожесть дуэли в повести со знаменитой литературной дуэлью между Н. Гумилевым и М. Волошиным, в которой Кузмин выступил секундантом: «узнаваем и мотив дуэли, появлявшийся в произведениях многих авторов – современников Кузмина. Известно, что Кузмину пришлось выступить в роли секунданта в поединке между Н. Гумилевым и М. Волошиным — таком же “безрезультатном”, как и дуэль Андрея Толстого в “Мечтателях”» [Там же: 617].

Однако, на наш взгляд, еще одна важная биографическая параллель осталась до сих пор незамеченной исследователями. Мы можем сделать предположение, что в повести также отражена история отношений В.Князева с Софьей Исааковной Дымшиц-Толстой, второй женой А.Н. Толстого (в предыдущей главе мы писали, что отношения Кузмина с Князевым на фоне размышлений о сущности совместной жизни были важным биографическим фоном повести). Обстоятельства этих отношений подробно описывает Е. Толстая в монографии «Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург» (2013). Как указывает исследовательница, эти отношения стали развиваться с начала 1912 года, «когда объектом внимания Князева стала Софья Толстая» [Толстая]. Исходя из некоторых сходств в развитии их реальных отношений и сюжетных поворотов повести Кузмин мы можем сделать вывод, что героиня повести Александра отчасти спроецирована на Софью Толстую, а Всеволод Князев является прототипом ее любовника Владимира Сергеевича Мейера (заметим, что они оба офицеры).

Укажем некоторые ключевые эпизоды, которые позволяют нам сделать такой вывод. Как отмечает Е.Д. Толстая, Князев, влюбленный в Софью, обращается к Алексею Толстому с просьбой об указании места, в котором он может встретить его жену — свою возлюбленную. Толстой указывает, что Софья будет на скэтинг-ринге:

---

⁴ Основания, на которых проведена эта параллель, авторы не комментируют.

Когда Алексей Николаевич, возвращаясь, с ним поравнялся, Князев, при всей своей красоте и регалиях (Князев был гвардейский офицер громадного роста и исключительной красоты) обращается к Алексею Николаевичу со следующими словами: «Я влюблен в вашу жену, мне от нее ничего не надо. Мне надо только на нее смотреть. Где она бывает?» Растерянный этой исповедью, Алексей Николаевич ему ответил: «Она сегодня будет на **скэтинг-ринге, там можете смотреть на мою жену**». После того Алексей Николаевич обратился ко мне: «Придется тебе сегодня ехать на скэтинг-ринг, чтобы этот чудак мог бы на тебя смотреть — я ему обещал⁵» [Там же].

Эта сцена почти в точности воспроизведена в повести Кузмина. Три героя произведения: Александра, Андрей Толстой и Мейер, встречаются, гуляя по набережной. Александра, желая привлечь внимание Толстого, дает понять двум проходившим мимо них офицерам, что на следующий день в 5 она будет на скэтинге. Андрея Толстого на следующий день она там так и не встретила, однако пришел Мейер, который довольствовался и тем, что может просто смотреть на свою возлюбленную (что в точности напоминает желание Князева):

Но на следующий день Александра Львовна г. Толстого не увидела, зато едва она успела переступить порог **скэтинга**, как пристальные глаза ее заметили растерянно ходившего Мейера, который и был тем офицером, как читатели, наверно, и сами догадались, что гулял по набережной с Андреем Ивановичем. Так Сашенька, не дождавшись подпоручика, и уехала домой расстроенная и сердитая, а на следующий день отправилась в то же место. **Опять Мейер ходил за нею по пятам**, и опять Толстого она не видала [Кузмин 1999: 508].

Также возможным прототипом Виталия (мужа Александры) — очень ревнивого мужа ветренной жены — может являться сам Алексей Толстой, также сильно ревновавший свою жену. Е. Толстая предполагает, что срочный отъезд Толстых из Петербурга в 1912 г. мог быть вызван не литературными делами Толстого, а его ревностью к Князеву:

Весною, когда о тайной встрече или встречах Софьи с Князевым узнал Кузмин, скорее всего, Толстому об этом тоже стало известно. Встает вопрос: не эта ли история, связавшая имя Софьи со скандальной фигурой Князева, а вовсе не

---

⁵ Е. Толстая восстанавливает детали этой истории по рукописным воспоминаниям С.И. Дымшиц-Толстой, находящимся у нее в личном архиве.

изжитый уже к тому времени скандал с Сологубом вынудила Толстого покинуть Петербург? [Толстая]

Но самым ярким сходством, подтверждающим нашу догадку, является совпадение имени дочери Софьи и Алексея Толстых и ребенка, рожденного второй сестрой Александры, Зинаидой. Это довольно редкое имя Марианна⁶. Причем заметим, что заканчивается повесть Кузмина сценой, в которой Зинаида видит в чертах дочери черты другого персонажа повести — Андрея Толстого — однофамильца писателя, отца реальной Марианны:

Зинаида Львовна <...> опустила на колени перед колясочкой Марианны и стала целовать ручки, ножки и мокрый рот девочки, приговаривая:

— Милая моя детка, <...> ты не похожа ни на папу, ни на маму — <...> — а ты похожа на Андрюшу, на Андрюшу, на Андрюшу [Кузмин 1999: 558–559].

Заметим также, что мемуаристами отмечалась сильная любовь Алексея Толстого к своей дочери, что тоже сближает с ним Виталия. Приведем цитату из мемуаров С.Дымшиц-Толстой:

<...> Алексей Николаевич много занимался ею <Марианной — В.Ф.>, иногда довольно неловко вторгаясь в детскую. После тети Маши и меня он все-таки являлся проверить кроватку ребенка. Кухарку нашу, пожилую и толковую женщину, он настолько извел своим постоянным контролем за чистотой и состоянием полуды у посуды, в которой готовилась пища для дочки, что она нашла себе другое место и покинула нас. В этом, впрочем, не было со стороны Алексея Николаевича ни недоверия, ни «тиранства». Это были причуды любящего отца [Дымшиц-Толстая: 88].

Такую же сильную «отцовскую» любовь испытывает Виталий к своей племяннице Марианне:

Больше всего занимался Марианной Виталий Павлович: то он старался угадать на кого похоже ее маленькое личико, то беспокоился, почему она такая тихая, то отыскивал у нее всевозможные болезни [Кузмин 1999: 545].

---

⁶ Интересно, что имя дочери Толстых тоже литературное — как указывает Е. Толстая, ее назвали в честь героини романа Тургенева «Новь» [Дымшиц-Толстая: 81].

Некую параллель также можно провести между самим Кузминым и главным героем его произведения — его идеологическим центром — Андреем Толстым, так как оба являются связывающим звеном в знакомстве и общении Софьи Толстой с Князевым и Александры с Мейером. Как отмечает Е.Д. Толстая, именно Кузмин приводит в дом Толстых Князева:

<...> Князева с Кузминым связывал недавно прерванный роман <Толстой с Мейером в повести не состоят в гомосексуальных отношениях, но они оба являются членами мужского братства, которое по сути воплощает идеал любви мужчины к мужчине как духовное наставничество — В.Ф.>, так что доброжелательство Кузмина к Князеву было другого сорта, и щедрая услуга Князеву, влюбленному в Софью и жаждавшему ее видеть, то есть ввод его в дом ее, замужней женщины, как кузминского друга, была не от доброты, а в расчете на возобновление романа с ним; в дневнике он писал, как помним, раздраженно: «Всеволод затеял какую-то невероятную канитель с Сонечкой Толстой и просит меня помогать. Благодарю покорно» [Толстая].

В «Мечтателях» Александру с Мейером «сводит» именно Андрей Толстой, занимающий третье место в любовном треугольнике. Александра влюблена в Толстого, и сходится с Мейером только для того, чтобы привлечь внимание Толстого (как Кузмин сводит Князева с С. Толстой, чтобы самому опять сойтись с Князевым):

– Вы, конечно, рассчитываете, что я отниму у Толстого его друга, влюбив его в себя, как дурака? Я так и сделаю, оттого что с Толстым я знакомиться не желаю, понимаете: не желаю, и нахожу, что все слухи о нем очень преувеличены: он просто невежливая деревяшка, вот и все.

Рудечка тихо заметил:

– Я не думал, что у вас такие пылкие страсти, Александра Львовна. Это до добра не доведет [Кузмин 1999: 509].

Насколько все эти параллели были прозрачны для читателей, сейчас нам судить сложно. Отметим лишь, что анонимного рецензента «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к “Ниве”» они не заинтересовали и он заканчивал свою рецензию призывом к Кузмину вернуться к прежним темам и стилю:

Нехорошо, – пишет анонимный рецензент, — когда Кузмин оставляет то, в чем он так силен <...>. Его почва — не серая действительность, а пряная экзотика. Ему не к лицу прозаический пиджак или деловой сюртук: его хочется видеть маскаратно-нарядным, напудренным маркизом, шаловливым арлекином или в одежде отдаленного века, угаснувшего народа. <...> В этом весь Кузмин. Оттого с таким вниманием и любовным участием читаешь повествование сэра Джона Фирфакса о путешествии по Турции «и другим примечательным странам» и тоскливо перелистываешь тягучие страницы «современной российской» повести «Мечтатели», где с лица писателя сбежала привычная лукавая улыбка, и оно стало тускло и скучно. Нет, пусть Кузмин остается прежним, каким мы его знаем, — в экзотике, в гротеске, в высокоартистической подделке под давно окаменевшие стили, в воскрешении забытого, в грациозно-небрежном тоне его александрийских напевов (цит. по: [Домогацкая, Певак: 618]).

Глава 3. История публикации и рецепции романа Толстого «Семейное счастье»

Первая часть романа «Семейное счастье» была опубликована в первом номере «Русского вестника» за апрель 1859 г., вторая — в следующем номере. Его автобиографическая подоплека не скрывалась Толстым и на сегодняшний день хорошо известна исследователям. Об этом, например, пишет автор примечаний к роману в последнем академическом собрании сочинений Толстого Н.М. Мендельсон: «По словам самого Л.Н. Толстого, в основу художественного замысла, воплощенного в “Семейном счастье”, легла история его отношений к Валерии Владимировне Арсеньевой, в первом браке Талывиной, во втором — Волковой» [Мендельсон: 304]. Известно, что Толстой был назначен опекуном этой девушки в 1853 году, и в своих письмах к ней он представлял их будущую совместную жизнь. И как отмечается в комментариях к роману, вероятнее всего, после пережитого сильного влечения к своей подопечной, он в январе 1857 года задумал написать об этом произведение (см.: [Толстой 2007, 497])

Однако не только биографические обстоятельства побудили Толстого написать этот роман: по мнению исследователей, в этой повести также нашли отражение самые актуальные общественные проблемы этого времени, а именно остро вставший вопрос о женской эмансипации. С этой точки зрения создание этого романа было глубоко закономерно для Толстого. Об этом говорит Б.М. Эйхенбаум:

Не будучи литератором или журналистом, он <Толстой. — В.Ф.> вместе с тем зорко следит за каждым движением общественной и литературной жизни и на все реагирует. Он как будто не допускает мысли, чтобы что-нибудь важное прошло без его участия или вмешательства. Когда идет Крымская война, он едет в Севастополь и пишет военные рассказы. Когда начинается спор об «отцах и детях», он пишет повесть «Два гусара». Когда возникает полемика о «чистом искусстве», он пишет повесть «Альберт». Когда поднимается вопрос о женской эмансипации, он пишет роман «Семейное счастье» [Эйхенбаум 1935].

А современная итальянская исследовательница семейного вопроса в произведениях Толстого, М. Заламбани, говоря о «Семейном счастье», отмечает:

В организации повести отражаются философские поиски сороковых годов, общественная мысль, предваряющая большие реформы, женский вопрос, постепенно проникающий в дискуссии интеллигенции, проблема женского образования (которое как раз в то время начинает распространяться в стране) и появление новых наук, на общественной арене. В этом богатом контексте, предвосхищающем великие потрясения последующих десятилетий, и появляется «Семейное счастье» [Заламбани].

Вопрос о женском равноправии с новой силой поднимается в начале XX в. (так, в 1908 г. состоялся Всероссийский женский съезд, ставящий вопросы женского образования и участия женщин в политической жизни), однако вряд ли Кузмина, как Толстого, в его творчестве по-настоящему волнуют проблемы феминизма. Уникальность романа Толстого, в том числе, в том, что в нем авторский голос отдан женщине: это единственный случай в прозе Толстого, когда повествование ведется от первого лица, и это лицо — женское⁷ (см. об этом: [Гродецкая]).

Однако несмотря на то, что «Семейное счастье» является знаменательным произведением, после его написания у Толстого наступает кризис, и его литературная работа почти останавливается (см.: [Эйхенбаум 1922]). Это связано, в том числе, с очень сложным отношением писателя к своему произведению.

Известно, что первая редакция романа была представлена устно. В начале марта 1859 года он читал этот роман у родственницы А.А. Толстой, а в апреле у Боткина, но «слушателям повесть показалась неудачною» [Там же: 499]. О неудачности романа Боткин пишет в своем письме к Тургеневу 6 апреля: «Толстой еще здесь и работает над своим рассказом <...> Вчера я сказал ему прямо, что это и холодно, и скучно. Он совсем другого мнения» [Там же: 500]. Действительно, поначалу Толстой был вполне доволен своим новым произведением, но вскоре после публикации романа он резко меняет свое отношение к нему:

<...> когда роман был уже, очевидно, в портфеле редакции, Толстой подумывает о печатании его под псевдонимом, — конечно для того, чтобы не уронить своей

---

⁷ Так, А. Гродецкая пишет об этом: «Можно предположить, что в женской роли Толстой мыслил себя как бы “Жорж Санд наоборот”, акцентируя тем самым полемический аспект своей позиции. Впрочем, путь познания женщины, ею же осмысленный и описанный, безусловно, поучителен и вне соотнесения с Жорж Санд. Кроме того, форма “журнала” или “записок” в 1830-1850-е была достаточно популярна в творчестве писательниц-женщин — М. С. Жуковой, Е. А. Ган, К. Павловой и др. Шаблонность самой модели повествования (при ее достаточно индивидуальной смысловой “нагрузке”), вполне вероятно, стала одной из причин неудовлетворенности Толстого своим “дамским” произведением» [Гродецкая].

репутации. 3 мая Толстой записывает в Дневнике: «Получил Семейное счастье. Это постыдная мерзость» [Мендельсон: 306].

Отторжение Толстым своего нового романа можно проследить и по другим его высказываниям. Так, в письме к А.А. Толстой он писал: «<...> не могу опомниться от сраму и, кажется, больше никогда писать не буду» (цит. по: [Эйхенбаум: 144]), ср. также в письме В.П. Боткину: «Я увидел, какое постыдное г..., пятно, не только авторское, но и человеческое — это мерзкое сочинение <...> Я теперь похоронен и как писатель, и как человек» (цит. по: [Гродецкая: 25]).

Также неоднозначным было и отношение аудитории к роману. В критике он остался незамеченным (см., напр., об этом [Бычков: 13]), что отразилось уже современники Толстого. Так, Аполлон Григорьев причислял «Семейное счастье» к произведениям, «пропущенным критикой» (см. его статью с одноименным названием: «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» [Григорьев]). При этом сам Григорьев высоко ценил роман, называя его «лучшим произведением» Толстого — «тихим, глубоким, простым и высоко поэтическим» (цит. по: [Гродецкая: 25]).

Не только Ап. Григорьев, но и многие другие читатели восприняли роман восторженно. Показателен отзыв о романе дочери поэта Ф.И. Тютчева — Е.Ф. Тютчевой:

Я окончила повесть Толстого, она восхитительна; это сама жизнь. Огромное счастье исчезает, уходит, без какой-либо причины только потому, что здесь не может быть продолжительного счастья (цит. по: [Толстой 2007: 505]).

Этот отзыв оставлен в частном письме, но и многие отзывы на роман, появляющиеся в печати после публикации, были положительными:

Как «милую, поэтическую идиллию» воспринял роман Толстого автор «Библиографических вестей» в журнале «Северный цветок» (1859, 30 мая. № 22. С. 342). «С.-Петербургские ведомости» в обзоре появившихся за последнее время произведений роман «Семейное счастье» (названный повестью) оценили как «прекрасный». «Сколько грации, поэзии и увлекательности в сближении Маши с Сергеем Михайловичем в “Семейном счастье”, <...> нет и скуки, нет приторной и пошлой буколки — все, напротив, поэзия и жизнь. Чрезвычайно хороша эта повесть; она напомнила нам лучшее произведение г. Толстого — его “Детство”» (1859, 18 июля. № 155. Подпись Н.Н.) [Там же: 505].

Что для нас более важно — интерес к роману не угас и на рубеже веков. Так, о нем пишет К.Ф. Головин в своей книге «Русский роман и русское общество» (1897). Этот труд выдержал несколько переизданий (в 1904 и 1914) и удостоился Пушкинской премии, поэтому есть полные основания предполагать, что Кузмин читал его. Кроме того, книга Головина могла привлечь внимание Кузмина в связи с общественно-политической деятельностью автора: Головин был одним из идеологов черносотенного движения и мог попасть в поле зрения Кузмина в 1905 г., в момент его увлечения монархическими идеями и недолгого членства в «Союзе русского народа».

Головин обращает внимание на главную, по его мнению, идею учения Толстого, выраженную в романе «Семейное счастье» — жизненная мудрость заключается в том, чтобы быть довольным тихим семейным счастьем:

Три года спустя, в «Семейном счастье», Толстой учит довольствоваться осколками разбитых идеалов, когда миновало время сладких, обманчивых увлечений. Неизбежная проза жизни уже не представляется чем-то ненавистным, а, напротив, в умении ею довольствоваться Толстой видит истинную жизненную мудрость, а стало быть и жизненную правду [Головин: 154].

В 1908 году о «Семейном счастье» напишет Ю. Айхенвальд и назовет его «одной из лучших жемчужин» «человеческого и писательского венца» Толстого, выделяя в романе тему материнства как одну из основных:

Если так часто в таком благодатном сиянии выступает у Толстого человеческая мать, то это лишь потому, что она — представительница, носительница природы, воплощение ее рождающей силы. Кто за природу, тот за мать. Так было и с Руссо. Именно этот натурализм породил у Толстого всю ту интимность и семейность, которую он больше всех писателей внес в русскую литературу. Он чувствует женщину <...> он говорит от ее имени, ее устами, ее словами, и какая девушка и жена не узнает в этом зеркале себя и своего сердца?» [Айхенвальд: 128-129].

Мы можем заметить, что несмотря на то, что роман Л.Н. Толстого «Семейное счастье» остался пропущенным критиками и исследователями, он занял свою нишу среди произведений Толстого на семейную тему и современники Кузмина продолжают рефлексировать над ним. В следующей главе мы рассмотрим, какое

влияние этот роман оказал на творчество Кузмина и как именно он отразился в его повести «Мечтатели».

Глава 4. Повесть «Мечтатели» и семейная тема в произведениях Льва Толстого

В центре повести Кузмина «Мечтатели» — история отношений нескольких семейных пар. Это одна из важнейших тем Толстого, над которой он работал и в «Анне Карениной», и в «Отце Сергии», и в «Крейцеровой сонате», но именно «Семейное счастье» (произведение, в котором писатель впервые пытался поговорить на эту тему)⁸ показывает историю развития отношений внутри пары с самого начала — еще до замужества, а потом последовательно изображает объяснение, венчание, разочарование первых лет совместной жизни и рождение детей. Именно столкновение ожиданий от брака с реальной жизнью находится в центре интереса Толстого. Поэтому для того, чтобы глубже изучить проблему отношения М. Кузмина к творчеству Льва Толстого, а точнее существование Толстого в произведении Кузмина «Мечтатели», мы считаем необходимым обратиться к одному из первых текстов Льва Николаевича, который раскрывает тему семейных отношений — «Семейному счастью». Более того является показательным, что героиня Толстого — *мечтающая*. Словом «мечта» героиня «Семейного счастья» Маша сама определяет свое мироощущение до замужества в начале романа:

Между тем пришла весна. Прежняя тоска моя прошла и заменилась весеннею **мечтательною тоскою** непонятных надежд и желаний. <...> Теперь мне трудно вспомнить и понять **те мечты**, которые тогда наполняли мое воображение. Даже когда я вспомню, мне не верится, чтобы точно это были **мои мечты**. Так они были странны и далеки от жизни [Толстой: 73].

На наш взгляд, это не только перекликается с названием повести Кузмина, но и откликается в ее финале, ключевом для понимания смысла названия повести:

Ты будешь большая и счастливая, только **никогда не мечтай**, а мама постарается тебя отучить от этого, потому что сама была слишком несчастна оттого, что **много мечтала** [Кузмин].

---

⁸ См. об этом, например, в книге М. Заламбани «Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого: «Семейное счастье». «Анна Каренина». «Крейцера соната»» (2015) [Заламбани].

Это дает нам дополнительное основание для сравнения именно этих двух произведений.

Для понимания самого факта обращения Кузмина к тексту произведения Толстого «Семейное счастье», мы подробнее остановимся на его истории создания и рецепции.

Как мы отмечали ранее, проблема отношения Михаила Кузмина к творчеству Льва Толстого уже поднималась как современниками, так и исследователями. Однако основательное сопоставление прозы Кузмина с наследием Льва Толстого до сих пор не было осуществлено. Первое и единственное (найденное нами) сопоставление художественных миров Кузмина и Толстого было сделано, как мы упоминали выше, в 2013 году Л. Г. Пановой в статье «*Cherchez la femme*: Лев Толстой в прозе Михаила Кузмина», в которой исследовательница сосредоточилась на мизогинии обоих писателей, говоря о том, что Кузмин вслед за Толстым продолжил писать прозу, которая поднимает вопрос о положении женщины в обществе и о ее влиянии на мужчин.

Повесть «Мечтатели», на которой мы сосредоточим наше внимание, тоже дает материал для подобного анализа. Слуга Андрея Толстого, Федор, говорит о своем хозяине:

Ах, уж Андрей Иванович говорили, да уж известное дело, когда баба человека оплетет, так будь он хоть генерал, хуже нашего брата мужика беспонятливым становится [Кузмин 1999: 525].

В этой реплике явно сквозит принцип «*Cherchez la femme*», о котором говорит Л. Панова и который означает, что герой (а за ним, вероятно, и автор), видит причину всех неприятностей и бед в женщине (даже если речь идет о поведении мужчины). Однако нас в этом тексте будет интересовать другое: возможные сюжетные и мотивные связи повести с произведениями Льва Толстого. Непосредственной отсылкой к самому Льву Толстому в произведении «Мечтатели» является один из ключевых персонажей повести — Андрей Толстой, который, как мы видим, носит ту же фамилию, что и знаменитый писатель. И если О. Бурмакина в своей работе отмечает, что «Кузмин некоторым образом перенимает у Достоевского “традицию” обозначать указывающих путь к истине героев именами великих людей: у Достоевского это — Лев Николаевич, у Кузмина — Толстой из “Мечтателей” и Фонвизин из “Нежного Иосифа”» [Бурмакина: 49], то для нас это

кажется не просто обозначением указывающего путь к истине героя, а прямым указанием на то, что Михаил Кузмин внимательно читал Льва Толстого и сопоставлял свои произведения с произведениями великого писателя XIX века. Ниже мы попробуем аргументировать этот тезис.

Как отмечает М.Заламбани, начало романа «Семейное счастье» построено по образцу повести «тургеневского типа» (см.: [Заламбани]). Прежде всего, это узнаваемый усадебный локус, яркой чертой которого является описание пейзажа. О важности пейзажа для «Семейного счастья» пишет и Гродецкая:

В толстовской живописи есть внутреннее волнение и ожидание, душевное напряжение, предшествующее тому, что должно произойти между героями, есть предощущение той полноты восприятия жизни, которая откроется им в любви. Пейзаж у Толстого, как и у Тургенева, служит эмоциональным аккомпанементом и лирической параллелью к душевным настроениям и переживаниям героя [Гродецкая].

В рассматриваемой нами повести Кузмина, безусловно, есть понимание этой традиции (действие хоть и происходит в основном в Петербурге, но знаково начинается в том самом «усадебном локусе», о котором пишет исследовательница), но она интересует его, скорее, как предмет для игры с читателем, чем как стилистический ориентир. Приведем показательный на наш взгляд пример из самого начала повести:

Вслед за нею поднялось и все общество и медленно отправилось по дорожке мимо редко посаженных яблонь к белевшей далеко в конце террасе. <...>

Аллея к дому так длинна, что, пока наши герои ее пройдут, мы поспеем читателя познакомить с ними, тем более что во время пути ничего особенного не случилось [Кузмин 1999: 442].

Кузмин прекрасно знает и понимает локус русского усадебного романа, в котором природа обрамляет чувства героев, как бы дает читателю лучше понять состояние их душ. Однако он, как мы сказали выше, скорее играет с этой традицией: его пейзаж очень схематичен — в самом начале повести он обозначает лишь несколько основных его точек: аллея, терраса и луна.

Вслед за описанием природы у Кузмина, как и положено, идет сцена объяснения в любви:

Перед чаем, войдя на ту же белую террасу, которая помещалась в конце аллеи, и, смотря на **выплывавшую боком оранжевую луну**, Саша обратилась к Виталию Павловичу. <...>

— Как вы любите точки над *i*. Вы мало обращались с женщинами, разве мы когда-нибудь скажем прямо? Нужно смотреть, догадываться и понимать. Если бы у вас голова не так была занята мною, и вы больше бы обращали на меня внимания, вы бы уж давно поняли.

— Что? — будто вздохнул ее собеседник.

— Ах Боже мой, да то, что я вас люблю, конечно [Кузмин 1999: 444–445].

И у Толстого (как и во многих других произведениях) есть подобная сцена, в которой присутствуют луна — аллея — терраса и проявление любовного чувства:

Полный месяц стоял над домом за нами, так что его не видно было, и половина тени крыши, столбов и полотна террасы наискоски en rascourci лежала на песчаной дорожке и газонном круге. <...> В аллеях тень и свет сливались так, что аллеи казались не деревьями и дорожками, а прозрачными, колыхающимися и дрожащими домами [Толстой: 88].

У Толстого вслед за этой сценой следует первое проявление симпатии: Петр Сергеевич подает руку Маше, хотя прежде он никогда этого не делал.

Но сближает два произведения не сама сцена на террасе, а то, что у обоих писателей первой в своих чувствах признается женщина: и Александра у Кузмина, и Маша у Толстого (у Толстого это происходит в другой сцене):

В зале было солнце, мы вышли на террасу. Только что мы сели, как я совершенно спокойно начала говорить то, что должно было решить участь моей любви. <...>

— А третий конец, — сказала я и остановилась, но он молчал, — а третий конец, что он не любил, а сделал ей больно, больно, и думал, что прав, уехал и еще гордился чем-то. Вам, а не мне, вам шутки, **я с первого дня полюбила, полюбила вас, — повторила я**, и на этом слове «полюбила» голос мой невольно из тихого, внутреннего перешел в дикий вскрик, испугавший меня самую [Толстой: 94-97].

Оба произведения сходны и в том, что повествование в них начинается весной. Только у Толстого — в деревне Покровское, а у Кузмина — в имении Фуксов. Однако главным местом действия в обоих произведениях является все же Петербург.

Можем заметить, что после объяснений в любви обе пары решают не откладывать день свадьбы. Как объясняет Маша: «Не было причин откладывать нашу свадьбу, и ни я, ни он не желали этого» [Толстой: 97]. Так обе свадьбы проходят приблизительно в одно время года. Если у Кузмина ясно написано: «в конце лета обе девицы Прохоровы соединили каждая свою молодую жизнь с другой юной судьбой на все долгое время до гробовой доски, на все бедствия и радости» [Кузмин 1999: 447], то у Толстого время года проведения свадьбы немного размыт. Единственное, что ясно — что свадьба проходила где-то на смене лета-осени:

Накануне дня, назначенного для свадьбы, перед вечером погода разгулялась. И после дождей, начавшихся летом, прояснился первый холодный и блестящий осенний вечер. Все было мокро, холодно, светло, и в саду в первый раз замечался осенний простор, пестрота и оголенность. На небе было ясно, холодно и бледно. Я пошла спать, счастливая от мысли, что завтра, в день нашей свадьбы, будет хорошая погода [Толстой: 101].

Свадьбы не только проходят примерно в одно время, но все три проходят «попросту». В «Мечтателях» об этом сказано так:

Обе свадьбы имели общее время и место, т. е. **всех четырех обвел вокруг аналоя один и тот же сельский батюшка** в один и тот же прекрасный день. **Было все совершенно попросту**, гостей никого не было, кроме шаферов, и даже Андрей Иванович Толстой, на приезд которого очень рассчитывали Петя и Ваня, не приехал, ограничившись присылкой депеши [Кузмин 1999: 447].

В «Семейном счастье» также молодые напрочь отказались от свадьбы «побогаче», которую хотели устроить им родственники, и провели ее просто и без гостей:

Катя (горничная Маши и Сони) хотела было ехать в Москву и покупать и заказывать приданое, и мать Сергея Михайлыча требовала было, чтоб он, прежде чем жениться, обзавелся новой каретой, мебелью и оклеил бы дом новыми обоями, но Маша и Сергей Михайлыч настояли на том, чтобы сделать все это после, ежели уже это так необходимо, а венчаться **тихо, без приданого, без гостей, без шаферов, ужинов, шампанского и всех этих условных принадлежностей женитьбы** (см.: [Толстой: 97-98]).

Несмотря на эти сходства нельзя не отметить, что у Кузмина этому эпизоду уделено гораздо меньше места, чем у Толстого — только два небольших абзаца,

тогда как Толстой о свадьбе пишет почти целую главу. Как и в случае пейзажа, свадьба у Кузмина лишь обозначена.

После свадеб супруги в двух произведениях переезжают: у Кузмина — две пары сразу едут в Петербург, у Толстого — Маша переезжает в имение к своему мужу Сергею Михайловичу. Два месяца супружеской жизни насыщены событиями и полны счастьем. Очень хорошо это можно проследить в мыслях Маши:

Дни, недели, два месяца уединенной деревенской жизни прошли незаметно, как казалось тогда; а между тем на целую жизнь достало бы **чувств, волнений и счастья этих двух месяцев**. Мои и его мечты о том, как устроится наша деревенская жизнь, сбылись совершенно не так, как мы ожидали. **Но жизнь наша была не хуже наших мечтаний**. Не было этого строгого труда, исполнения долга самопожертвования и жизни для другого, что я воображала себе, когда была невестой; было, напротив, одно себялюбивое **чувство любви друг к другу, желание быть любимым, беспричинное постоянное веселье и забвение всего на свете** [Толстой: 105].

То же можно проследить и в жизни супружеских пар Зины-Пети и Саши-Виталия. Они много времени проводят наедине с друг другом, многое узнают друг о друге:

Казалось, их двойная жизнь должна была бы протекать в мире и любви, потому что чего же человеку больше надобно? **Все они были молоды, любили друг друга**. Молодые люди ходили куда-то на службу, а их жены по мере сил и способности устраивали им домашний уют, чтобы все было чисто, аккуратно и нарядно, и **выезжали они всегда вчетвером в какие-нибудь солидные театры или по почтенным родственникам**, где было скучновато, но **все хранило вид незыблемого семейного очага** [Кузмин 1999: 449].

Однако счастье в семейной жизни у всех трех пар длится ровно два месяца. Именно через два месяца и у Толстого, и у Кузмина в отношениях пар что-то меняется. А точнее, оказывается, что спокойная семейная жизнь, в которой, как думали они, и заключается счастье, кому-то из пары не по душе:

Так **прошло два месяца**, пришла зима со своими холодами и метелями, и я, несмотря на то, что он был со мной, начинала чувствовать себя одинокою <...> Я любила его не меньше, чем прежде, и не меньше, чем прежде, была счастлива его любовью; но любовь моя остановилась и не росла больше, а кроме любви, какое-то новое беспокойное чувство начинало закрадываться в мою душу. <...>

Мне хотелось волнений, опасностей и самопожертвования для чувства. Во мне был избыток силы, не находивший места в нашей тихой жизни [Толстой: 110].

У Кузмина мы можем наблюдать, что ровно так же через два месяца что-то стало меняться:

Так **шло месяц, два**, но дальше, хотя с виду все оставалось по-прежнему, наблюдательный человек мог бы заметить какую-то перемену, особенно в Александре Львовне, которая стала беспокойна и нервна, что не совсем соответствовало ее живому, но ровному характеру. Против ожидания она стала проявлять излишнюю суетность и какое-то болезненное тщеславие в вещах, казалось бы, мало кому нужных [Кузмин 1999: 449].

Похожи между собой и сами героини (попутно заметим, что и Маша, и Зина с Сашей — сироты). Главную героиню «Мечтателей» Александру Львовну можно сопоставить с Машей из «Семейного счастья». Они обе не любят читать (Маша не любила читать до того момента, пока не полюбила Сергея Михайлыча), им обоим становится скучно от спокойной семейной жизни, обоим, оказавшись в свете, поняв, что красивы и желанны, становится мало их тихого семейного счастья и они окружают себя вниманием других мужчин и благосклонно его принимают. Только если у Толстого Маша удерживается от адюльтера, остается верна мужу и вместе с ним возвращается *из-за границы* домой, то у Кузмина Александра делает выбор в пользу Мейера (влюбленного в нее мужчины) и сбегает вместе с ним от мужа *за границу*.

Но наиболее важная параллель содержится в финале повести Кузмина, который, на наш взгляд, полемически ориентирован на финал романа Толстого. Во многих произведениях Толстого рождение ребенка является поворотным этапом в развитии сюжета и в то же время ключевым элементом в идеологической структуре повествования. Это с полным основанием относится и к «Семейному счастью». В повести рождение ребенка становится не просто важным событием, произошедшим с героями, но некоторым «якорем», который играет ключевую роль в развитии отношений между некогда страстно влюбленными, но уже охладевшими к друг другу партнерами, то есть помогает паре обрести новое понимание семьи и настоящего счастья в семейных отношениях. Только рождение ребенка, а точнее само его существование, помогает героям пережить кризис и

войти в новую фазу отношений, обрести счастье в браке. Толстой как бы сравнивает две абсолютно разные жизни – начальная пылкая влюбленность и серьезное настоящее чувство любви. И переходным событием к серьезной любви между супругами является деторождение.

Это можно наблюдать и в других романах Толстого. Так, например, в романе «Анна Каренина» отношение к детям является важным маркером «правильного» и «неправильного» образа жизни: Анна так и не смогла полюбить свою дочь от Вронского (что вначале происходит и с главной героиней «Семейного счастья») и ей кажется, что Вронский охладел к ней именно после рождения дочери:

В это самое время дочь ее заболела. Анна взялась ходить за нею, но и это не развлекло ее, тем более что болезнь не была опасна. Как она ни старалась, она не могла любить эту девочку, а притворяться в любви она не могла <...> Теперь Анна уж признавалась себе, что он тяготится ею, что он с сожалением бросает свою свободу, чтобы вернуться к ней, и, несмотря на то, она рада была, что он приедет. Пусть он тяготится, но будет тут с нею, чтоб она видела его, знала каждое его движение [Толстой 1935: 243–244].

Схожую роль в развитии сюжета рождение ребенка играет и в романе Кузмина «Мечтатели». В первую очередь, в обоих произведениях дети явно означают надежду на перемены в лучшую сторону в отношениях двух пар. Обе главные героини — Маша и Зина — узнают, что беременны, и это им обоим дает надежду на то, что рождение ребенка сможет укрепить разваливающиеся отношения. Они обе рожают детей, только если в «Семейном счастье» Маша рождает сына, то у Кузмина одна из главных героинь — Зина, рождает дочь.

Тем не менее, отношение матерей к своим детям развиваются по-разному: если героиню Толстого вначале все-таки охватывает материнское чувство и надежды на то, что с ребенком для нее начнется новая жизнь, то Зина изначально равнодушна к дочери:

Она родила очень спокойно днем и скоро встала. Родила она дочь, которую назвали Марианной. И девочка была спокойна, почти незаметна <...> Зинаида Львовна не любила свою дочь, будто у нее не родился еще ребенок, а ожидается другой, настоящий [Кузмин 1999: 545].

Однако в финале обоих произведений это чувство перерастает в любовь. В «Семейном счастье» это ключевая сцена всего произведения, обозначающая

момент, когда одно чувство (влюбленность) перерастает в другое, и дающая надежду на настоящее семейное счастье. Приведем почти полностью финальную сцену романа Толстого:

Я взяла на руки ребенка, закрыла его оголившиеся красные ножонки, прижала его к себе и, чуть прикасаясь губами, поцеловала его. <...> «Мой, мой, мой! — подумала я, с счастливым напряженьем во всех членах прижимая его к груди и с трудом удерживаясь от того, чтобы не сделать ему больно. И я стала целовать его холодные ножонки, животик и руки и чуть обросшую волосами головку. Муж подошел ко мне, я быстро закрыла лицо ребенка и опять открыла его.

— Иван Сергеич! — проговорил муж, пальцем трогая его под подбородочек. Но я опять быстро закрыла Ивана Сергеича. Никто, кроме меня, не должен был долго смотреть на него. Я взглянула на мужа, глаза его смеялись, глядя в мои, и мне в первый раз после долгого времени легко и радостно было смотреть в них.

С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила в настоящую минуту... [Толстой: 143].

Финальная сцена повести Кузмина почти дословно похожа на сцену из романа Толстого, что позволяет однозначно говорить об ориентации Кузмина на «Семейное счастье». В то же время она наглядно выявляет различия в позициях авторов. Если финальный взгляд героини Толстого Маши направлен на ее мужа («Я взглянула на мужа, глаза его смеялись, глядя в мои» [Толстой: 143]), как бы замыкая их друг с другом в неразрывный круг, то сцена у Кузмина заканчивается откровенной насмешкой над самой идеей семейного счастья: Зинаида Львовна смотрит на свою дочь, но видит в ее личике усатое лицо возлюбленного (не являющегося отцом ребенка) — «с большими карими глазами, со стриженными усами и розовым ртом» [Кузмин 1999: 559].

Также приведем всю сцену из повести Кузмина:

Зинаида Львовна покраснела и радостно закивала головою, а потом, поднявшись к себе, она <...> опустилась на колени перед колясочкой Марианны и стала целовать ручки, ножки и мокрый рот девочки, приговаривая:

— Милая моя детка, и ты останешься со мной, ты не похожа ни на папу, ни на маму — не правда ли? — а ты похожа на Андрюшу, на Андрюшу, на Андрюшу. Ты будешь большая и счастливая, только никогда не мечтай, а мама постарается тебя

отучить от этого, потому что сама была слишком несчастна оттого, что много мечтала.

Девочка слушала, раскрыв карие глаза и засунув ногу в рот, а Зинаида Львовна и смеялась, и плакала, и крестилась, глядя на круглое личико Марианны, в котором ей виделось другое лицо с большими карими глазами, со стриженными усами и розовым ртом [Кузмин 1999: 558-559].

Отметим лексические совпадения между этими фрагментами. Так Кузмин, как и Толстой, изображает свою героиню в момент неожиданного осознания своей любви к ребенку, что проявляется бурными поцелуями. У Кузмина Зина «стала **целовать ручки, ножки и мокрый рот** девочки», у Толстого Маша «закрыла его оголившиеся красные **ножонки**, прижала его к себе и, чуть прикасаясь **губами**, **поцеловала** его. <...> И я стала **целовать** его холодные **ножонки**, животик и **руки** и чуть обросшую волосами головку» [Толстой: 143]. При этом финал этих сцен несет отчетливо противоположный посыл: никакой счастливой семейной жизни за пределами сюжета «Мечтателей» представить невозможно. Хоть героиня и обещает научить свою дочь «не мечтать», но стриженные усы и розовый рот, внезапно появляющиеся на детском лице, недвусмысленно намекают на тщетность ее обещаний. Попытка морализаторства Зинаиды, как будто вычитанная ею из романов Толстого, оказывается высмеянной автором.

Противопоставлением этим «мечтаниям» в повести Кузмина оказывается жизненный идеал, представленный тезкой великого писателя — Андреем Толстым. Он связан с «семейственностью» совсем другого рода — это не традиционный светский брак (неизбежно, по мысли Кузмина, непрочный), но духовное братство. Заметим, что такое братство не ограничено обязательствами только двоих людей, оно открыто, что прямо соотносится с размышлениями Кузмина в его Дневнике 1912 г. о том, «можно <ли> при любви иметь другого». Представляется, что Кузмин в «Мечтателях» дал ответ на этот вопрос, в то же время полемически выступив против сформировавшегося в современном обществе идеала семейных отношений, как отношений гетеросексуальной пары с ребенком.

Заключение

В ходе нашего исследования мы выяснили, что исследователи неоднократно сопоставляли прозу Кузмина с традицией русской литературы XIX в., в первую очередь, с Достоевским. Однако сопоставление прозы Кузмина с наследием Льва Толстого почти не проводилось, в первую очередь, потому что прямых указаний на интерес Кузмина к Толстому в его критике, а также дневниках и письмах нет. Однако в ходе нашей работы нам удалось наглядно показать, что в некоторых вопросах Толстой был важной фигурой для Кузмина. Мы постарались провести параллели между повестью Кузмина «Мечтатели» и романом Льва Толстого «Семейное счастье», и выяснили, что между этими произведениями есть много сходства на сюжетном и мотивном уровнях. Это позволило нам сделать предположение, что Кузмин, приступая к своему «семейному роману» вступил в полемический диалог с Толстым как одним из самых авторитетных авторов, высказывавшихся по семейному вопросу.

Мы подробно изучили историю создания и публикации повести Михаила Кузмина «Мечтатели» (1912). Опираясь на дневники Кузмина и на труды предшественников (в первую очередь, работы Н.А. Богомолова), мы смогли выявить основные этапы работы над повестью, а также описать контекст, в котором происходило ее создание. Отдельно мы остановились на описании 1912 г. в жизни Кузмина, стараясь понять, почему этот год называют критическим в его творчестве и как это могло повлиять на саму повесть.

Кроме того, мы рассмотрели автобиографические подтексты повести. Некоторые из них были отмечены ранее, но мы сделали предположение, что в повести также отражена сложная история отношений Кузмина, В. Князева и Софьи Исааковны Дымшиц-Толстой, второй женой А.Н. Толстого.

Мы посчитали важным отдельно остановиться на истории публикации и рецепции романа Толстого «Семейное счастье» для того, чтобы лучше уяснить, как этот роман воспринимался современниками Кузмина и, возможно, самим Кузминым. Во четвертой главе работы мы проанализировали сходства между «Мечтателями» и «Семейным счастьем» на уровне сюжета, характеристик персонажей и отдельных образов. Проведенное сопоставление наглядно доказало, что Кузмин,

выстраивая свою версию «семейного счастья», опирался на схему, предложенную Толстым в его раннем романе. Однако несмотря на внушительное количество схождений, анализ также показал, что смысл обращения Кузмина к тексту Толстого полемический, что явно видно в почти пародийном финале повести Кузмина.

Как нам представляется, материал нашего исследования может оказаться полезен при дальнейших исследованиях далеко не исчерпанной темы «Кузмин и Толстой».

Список использованной литературы

Источники

1. Айхенвальд: *Айхенвальд Ю.И.* Лев Толстой // Силуэты русских писателей. Вып. II. М., 1908.
2. Андреевский: *Андреевский С. А.* Из мыслей о Льве Толстом. Санкт-Петербург, 1902 г.
3. Белый: *Белый А.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., 1911.
4. Булгаков: *Булгаков Ф.И.* Граф Л. Н. Толстой и критика его произведений русская и иностранная. СПб., 1899.
5. Дымшиц-Толстая: *Дымшиц-Толстая С.И.* <Воспоминания об А.Н. Толстом> // Воспоминания об А.Н. Толстом: сборник. М., 1973.
6. Головин: *Головин К.* Русский роман и русское общество. СПб., 1914.
7. Кузмин 1999: *Кузмин М.А.* Мечтатели // Проза 1906–1912: В 3 т. М., 1999. Т. 1.
8. Кузмин 2005: *Кузмин М.* Дневник 1908–1915. Санкт-Петербург, 2005.
9. Кузмин 2007: *Кузмин М.* Дневник 1934 года. Санкт-Петербург, 2007.
10. Розанов: *Розанов В.В.* Л.Н. Толстой и русская церковь. СПб., 1912.
11. Садовский: *Садовский Б. А.* Толстой и смерть. 1911.
12. Сапунов: *Сапунов Н.* Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916.
13. Соловьев: *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сб. статей. М., 1990. С. 36
14. Толстой: *Толстой Л.Н.* Семейное счастье // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 2006. Т. 5.
15. Толстой 1935: *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Части 5-8 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1935. Т. 19.
16. Толстой 1978: Неизвестное письмо Л. Н. Толстого и связанные с ним события / Публ. В. М. Дунаева // Новый мир. 1978. № 8. С. 19-31.

17. Толстой 2007: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 100 тт. Т. 3: 1856ка М.А. Кузмина // Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 тт. Т. 1: Проза 1906–1859. М., 2007.

Исследования

1. Бабаев: *Бабаев А.* «Крейцерова соната» Л.Н. Толстого в англо-американском литературоведении XXI века. Тарту, 2022.
2. Богомолов 1995а: *Богомолов Н.А.* Литературная репутация и эпоха // Михаил Кузмин. Статьи и материалы. М., 1995.
3. Богомолов 1995b: *Богомолов Н.А.* Автобиографическое начало в раннем творчестве Кузмина // Михаил Кузмин. Статьи и материалы. М., 1995.
4. Богомолов 1995с: *Богомолов Н.А.* Любовь — всегдашняя моя вера // Михаил Кузмин. Статьи и материалы. М., 1995.
5. Богомолов 1999: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.
6. Богомолов, Малмстад: *Богомолов Н.А., Малмстад Д.Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. Санкт-Петербург, 2007.
7. Бурмакина: *Бурмакина О. М.* Кузмин и Ф. Достоевский: творческие со- и противопоставления. Диссертация на соискание ученой степени *magistrum artium* по русской литературе. Тарту, 2003.
8. Бычков: *Бычков С.П.* Толстой в оценке русской критики. М., 1949.
9. Григорьев: *Григорьев А.* Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой // *Время. 1862.* № 9, отд. II. С. 1ка М.А. Кузмина // Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 тт. Т. 1: Проза 1906–27.
10. Гродецкая: *Гродецкая А.Г.* Специфика повествовательной формы в «Семейном счастье» Толстого. Санкт-Петербург, 2002.
11. Днепров: *Днепров В.Д.* Изобразительная сила толстовской прозы // *В мире Толстого.* Сборник статей. М., 1978.
12. Домогацкая, Певак: *Домогацкая Е., Певак Е.* Проза и эссеистика М.А. Кузмина // Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 тт. Т. 1: Проза 1906–1912 гг. М., 1999.
13. Заламбани: *Заламбани М.* Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого: «Семейное счастье». «Анна Каренина». «Крейцерова соната». М., 2017.

14. Иванов: *Иванов В.И.* Постсимволизм и Кузмин // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Ленинград, 1990.
15. Измайлов: *Измайлов А.А.* Больные нервы и больное писательство («Покойница в доме М. Кузмина») // Новое слово. Ежемес. журн. СПб., 1913 №11. Ноябрь.
16. Мендельсон: *Мендельсон Н.М.* Семейное счастье. История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 2006. Т. 5.
17. Панова 2010: *Панова Л.Г.* Экфрасис с последствиями (Кузмин, Г. Иванов, Ахматова) // От Кибирова до Пушкина. К 60-летию Николая Алексеевича Богомолова. М., 2010.
18. Панова 2013: *Панова Л.Г.* Cherchez la femme: Лев толстой в прозе Михаила Кузмина // Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы международной научной конференции «Лев Толстой: после юбилея» М., 2013.
19. Панова 2014: Экфрасис с последствиями (Михаил Кузмин, Георгий Иванов, Анна Ахматова) // Рутения. <https://www.ruthenia.ru/document/551826.html> (30.05.2023)
20. Панова 2021: *Панова Л.Г.* Зрелый модернизм: Кузмин, Мандельштам, Ахматова и другие. М., 2021.
21. Певак: *Певак Е.* Проза и эссеистика М.А. Кузмина // Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 тт. Т. 1: Проза 1906–1912 гг. М., 1999.
22. Райнов: *Райнов Т.* Эстетика Толстого и его искусство // Эстетика Льва Толстого: Сборник статей. М., 1929.
23. Тименчик: *Тименчик Р.Д.* Кузмин // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: В 7 т. М., 1999. Т. 3.
24. Толстая: *Толстая Е.Д.* Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. <https://helenadtolstoy.com/keys/5/> (07.04.2023)
25. Фридендер: *Фридендер Г.* Достоевский и Лев Толстой // Фридендер Г. Достоевский и мировая литература. М., 1979.
26. Чуковский: *Чуковский К.* Толстой как художественный гений // Литературные приложения к «Ниве», 1908, № 9.
27. Шестов: *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (философия и проповедь) // Шестов Л. Собрание сочинений: В 6 тт. СПб, 1911. Т. 2.

28. Эйхенбаум 1922: *Эйхенбаум Б.М.* Молодой Толстой. Санкт-Петербург; Берлин, 1922.
29. Эйхенбаум 1935: *Эйхенбаум Б.* Творческие стимулы Толстого // Литературная учеба. 1935. № 9.
30. Эйхенбаум 1987: *Эйхенбаум Б.М.* О прозе Кузмина // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987.

Resümee

Käesolev töö on pühendatud uurimisele Mihhail Kuzmini suhtumise L. Tolstoi tekstide võrdluse kaudu. Küsimus Mihhail Kuzmini suhtumisest Lev Tolstoi loomingusse oli tekkinud korduvalt mitte ainult temaga samal ajal elanud inimestel, vaid ka aastaid pärast uurinud teadlastel. Lisaks sellele, teadlased olid võrrelnud Kuzmini proosat korduvalt tolle ajastu suurte klassikute pärandiga, näiteks Dostojevski pärandiga. Vaatamata sellele, Kuzmini proosa võrdlust Lev Tolstoi pärandiga on aga veel vähe uuritud. Seetõttu on töö põhieesmärk parandada, täiendada meie arusaama Kuzmini suhtumisest 19. sajandi vene romaani traditsioonides, analüüsides tema teost "Unistajad".

Töö koosneb sissejuhatusest, neljast peatükist, kokkuvõttest, kirjanduse loetelust ja eestikeelsest kokkuvõttest.

Esimeses peatükis käsitletakse Mihhail Kuzmini teose "Unistajad" (1912) loomise ja avaldamise ajalugu. Kuzmini päevikute ja tema eelkäijate teoste (eelkõige N. Bogomolovi teoste) põhjal oli võimalik kindlaks teha kirjaliku töö peamised etapid, samuti kirjeldada konteksti, milles see loodi. Lisaks kirjeldatakse Kuzmini elu 1912. aastal, tehakse kindlaks, miks oli see aasta tema loomingus kriitilise tähtsusega ja kuidas see aasta võis mõjutada teose "Unistajad" kirjutamist. See uurib veelgi, miks "Unistajad" on mingil määral autobiograafiline.

Peeti oluliseks eraldada Tolstoi romaani "Perekonnaõnn" ilmumis- ja retseptioonilugu, et täiendada teadmisi selle kohta, kuidas Kuzmini ajal elanud lugejad Tolstoi romaani suhtusid.

Võis välja selgitada, et nende tööde vahel on nii sūzee, tegelaste kui ka üksikute kujundite osas palju ühist. Leiti, et teosed on sarnased järgmiselt: narratiiv kahes teoses algab kevadel, pärast armastuse deklareerimist otsustavad paarid pulmapäeva mitte jätkata, mõlemad pulmad toimuvad umbes samal kellaajal aasta ja need mööduvad üsna "lihtsalt", õnn pereelus kestab kolme paari vahel täpselt kaks kuud, lapse sünd pole mõlemas teoses mitte ainult tähtis sündmus, vaid ka "ankruna", mis mängib olulist rolli suhete arendamine partnerite vahel, kes olid kunagi kirglikult armunud, kuid kelle tunded on üksteise suhtes juba jahtunud.

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrekselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride instituudi slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

Viktorija Fekljajeva

Tartus, [30.05.2023]

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Viktoria Fekljajeva

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

M. Kuzmini teos "Unistajad" (1912) ja L. Tolstoy "Perekonnaõnn"

mille juhendaja on Maria Borovikova,

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Viktoria Fekljajeva

30.05.2023